

К 60-летию битвы под Москвой

ИГОРЬ ЗЕРНОВ

ЗАБЫТЫЙ ГЕНЕРАЛ

К 100-летию со дня рождения Н. Ф. ВАТУТИНА

Имя генерала армии Николая Федоровича Ватутина, одного из выдающихся советских полководцев, не часто упоминается в литературе об истории Великой Отечественной войны. Так получилось, что в послевоенный период Н. Ф. Ватутин — бывший первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР в 1940—1941 годах, защищавший в 1941 году Ленинград, командовавший в 1942—1944 годах Юго-Западным, Воронежским, 1-м Украинским фронтами, внесший решающий вклад в победу под Сталинградом и на Курской дуге, разработавший и осуществивший одну из наиболее блистательных операций Второй мировой войны — Корсунь-Шевченковскую, освободивший “мать городов русских” — Киев, оказался забытым в ряду своих славных боевых соратников: Жукова, Василевского, Рокоссовского, Конева, Мерецкова и других. Во многом это объясняется его ранней, трагической гибелью после ранения в феврале 1944 года. Другие командующие фронтами, исключая Черняховского, благополучно дошли до Победы, продолжили службу в рядах армии, стали Маршалами Советского Союза, издали мемуары, участвовали в общественной жизни страны. Их заслуги перед народом и государством были достойным образом оценены. Ватутина достались лишь короткие строчки в энциклопедических словарях о Великой Отечественной войне, скудные упоминания в мемуарах. Его судьба не описана в серии “Жизнь замечательных людей”, и звание Героя Советского Союза присвоено посмертно лишь спустя 20 лет после окончания войны. За все послевоенные годы его памяти посвящены всего две небольшие книги, одна из которых, изданная в 1954 году, хотя и носит название “Путь генерала”, рассказывает не столько о Ватутине, сколько о Хрущеве. Тот факт, что начиная с Курской дуги Хрущев был членом Военного Совета фронтов, которыми командовал Ватутин, сыграло свою роль, главным образом, негативную, ибо при Хрущеве написать о Ватутине никто не успел, а уж в последующий брежневский период писать о Ватутине, наверно, стало неудобным, так как это в какой-то степени повышало авторитет Хрущева. Сам Хрущев в своих воспоминаниях говорит о Ватутине лишь в связи с какими-то иными, значимыми для него событиями или фактами, но никак не связанными с личностью и делами генерала.

ЗЕРНОВ Игорь Николаевич родился в 1954 году в Московской области. Кандидат философских наук, офицер ФСБ РФ. Живет в г. Видное Московской области

В 60—70-е годы практически все крупные военачальники военной поры, а кое-кто и не по одному разу, изложили свои воспоминания о войне. Маршалы и генералы писали о своих победах, меньше — о поражениях. По-человечески это вполне понятно. Режиссеры снимали фильмы о войне, композиторы слагали песни, поэты — стихи. Ватутину не дано было изложить собственное понимание тех далеко ушедших от нас событий, доказать свою правоту и отбиться от необоснованных обвинений. В отличие от истории человеческий разум свободно оперирует понятием “если бы”. Какими выдающимися стратегическими операциями он мог бы прославить русское оружие, сколь много мог бы сделать для укрепления нашей армии. Н. Ф. Ватутин — человек высокого, трагически срезанного полета. В. И. Успенский, автор популярной серии книги “Тайный советник вождя”, так оценивает личность генерала: “В Ватутине Сталин видел не только военачальника, способного провести операцию любой сложности, не только человека, способного выдвинуть интересные и важные соображения, но и еще свой надежный военно-кадровый резерв. Понадобится — Ватутин займет пост начальника Генерального штаба, он же был заместителем не у кого-нибудь, а у самого Шапошникова. Народный комиссар обороны? — тоже вполне созрел. Подумывал Сталин даже о том, чтобы назначить Ватутина наравне с Жуковым заместителем Верховного Главнокомандующего, дабы впоследствии вообще передать Ватутину все бразды военного правления. Справится, это безусловно. А поскольку Ватутин сам никогда не стремился к власти, то никаких политических амбиций от него можно было не ожидать. В Николае Федоровиче, безусловно, видел Жуков сильного соперника, главного своего конкурента. Тем более что Николая Федоровича очень ценил и выделял Верховный Главнокомандующий. Так что со временем Ватутин вполне мог “обскакать” Жукова”.

Разумеется, это не бесспорный вывод, но и он не обоснователен. Что поделаться, место на вершине пьедестала всегда одно, и в истории о Войне его по праву занял Г. К. Жуков. Военная история повествует прежде всего о крупнейших победах или поражениях, остальное находится в тени.

Но если в забвении оказываются лучшие военачальники, примиряться с этим нельзя. Герои не должны оставаться в безвестности. Обязанность потомков — воздать должное ушедшим. Спустя более полувека непорочно всмотреться в события того времени. И тем не менее документальные материалы военной поры свидетельствуют о том, что ко времени своей смерти в заслугах перед Отечеством, кроме Жукова, не уступал Ватутин никому из тех военачальников, кто впоследствии оставил о себе более заметный след в истории.

Попробуем проследить жизненный путь Н. Ф. Ватутина, одновременно сверяя его военную карьеру с боевым путем его товарищей. О человеческих качествах Ватутина известно немного. Он — полководец и именно этим интересен потомкам. Г. К. Жуков в книге “Воспоминания и размышления” пишет: “Чувство ответственности за порученное дело было у него развито чрезвычайно. Обладал завидной способностью коротко и ясно излагать свои мысли. Отличался исключительным трудолюбием и широтой оперативно-стратегического мышления”. А. М. Василевский отмечал сдержанность Ватутина в оценках своих подчиненных. Важно подчеркнуть, что на долю Ватутина пришлось время наибольшего напряжения сил народа и государства под натиском немцев в начальный период войны и время перелома в войне.

Основными соперниками Ватутина на служебном поприще, в хорошем смысле слова, были Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, К. А. Мерецков, И. С. Конев, А. И. Еременко. Маршалы старшего поколения: К. С. Тимошенко, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов оказались не на высоте требований новой войны. Д. Г. Павлов был расстрелян, а М. П. Кирпонос погиб в начале войны. Другие выдвинулись в конце ее, уже после смерти Ватутина: Черняховский, Малиновский, Баграмян, Толбухин и другие. Смерть нашла Ватутина на взлете его военной карьеры. После войны и по сию пору в среде военных историков не утихают споры, кто из наших полководцев был самым-самым... В. М. Молотов в известной книге Ф. Чуева “Молотов. Полудержавный властелин” рассуждал так: “По характеру для крутых дел Жуков больше подходил. Но Рокоссовский при любом раскладе в первую тройку всегда войдет. А кто третий — надо подумать...” Судя по акцентам, А. М. Василевский представлял полководцев в следующем порядке: Жуков, Конев, Рокоссовский, Ватутин, Малиновский. Г. К. Жуков в своих воспоминаниях избегал такой постановки вопроса. Немаловажное значение имел и тот факт, что Ватутин был моложе своих соратников-соперников. Еременко —

1892 года рождения, Василевский — 1895-го, Жуков и Рокоссовский — 1896-го, Мерецков и Конев с 1897 года. Ватутин же родился уже в 20-м столетии — в 1901 году, а разница в четыре и более лет для карьеры значение имела немалое.

Почти все наши выдающиеся военачальники того времени родились в бедных крестьянских семьях. Не был исключением и Ватутин. Он родился 16 декабря 1901 года в семье крестьянина Курской губернии, где кроме него было четверо сыновей и пять дочерей. Способный мальчик отлично учился в начальной школе, но только Октябрьская революция (нравится это кому-то или нет) дала возможность Ватутину, как и многим тысячам его сверстников, раскрыть свои способности. С апреля 1920 года он в Красной Армии. Служил на Украине и в Сибири, связав навсегда свою жизнь с армией. В 1929 году закончил военную академию имени М. В. Фрунзе. Труд и талант офицера делали свое дело, Ватутин успешно продвигался по служебной лестнице. Более пяти лет он служил начальником штаба дивизии, поступил в Военную академию Генерального штаба, закончив ее в 1937 году. То был славный выпуск. Полковник А. И. Антонов — будущий первый заместитель начальника Генерального штаба — получил назначение на должность начальника штаба Московского военного округа, полковник М. В. Захаров — будущий Маршал Советского Союза — стал начальником штаба Ленинградского военного округа, полковнику Ватутину предписано было направиться в Киев, на должность начальника штаба военного округа. Это был уже качественно новый уровень работы. В Европе немецкие войска уже начали последовательно подминать под себя ближних и дальних соседей. Война приближалась к границам Советского Союза, и в Киевском военном округе ее приближение чувствовали особенно остро. В личном деле Ватутина в те годы неизменно значилось: “Очередным отпуском не пользовался”. Потенциал молодого генерала был замечен Сталиным. В августе 1940 года, когда вместо Б. М. Шапошникова начальником Генерального штаба стал генерал армии К. А. Мерецков, Ватутина назначили начальником Оперативного управления, а вскоре он уже первый заместитель начальника Генштаба.

Многое мог бы рассказать Ватутин и о первых днях войны, когда начальник Генштаба Жуков с 23 по 26 июня находился на фронте и его обязанности выполнял Ватутин. В стенографическом отчете о встречах и беседах Сталина в первые недели войны фамилия Ватутина встречается едва ли не чаще других. В ночь на 22 июня Ватутин с Жуковым готовили директиву о приведении всех войск приграничных округов в боевую готовность. По указанию Ставки 22 июня в помощь командованию фронтами разбежались Жуков, Шапошников, Кулик, Соколовский. Об этом периоде немало написано... Сталин нервничал и был склонен винить во всем командование Западным фронтом. Жуков, находившийся на Юго-Западном фронте, постоянно созванивался с Ватутиным. “Поздно вечером 26 июня я прилетел в Москву и прямо с аэродрома — к И. В. Сталину. В кабинете И. В. Сталина стояли навтыяжку нарком С. К. Тимошенко и мой первый заместитель генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами. И. В. Сталин был не в лучшем состоянии”, — пишет Жуков в своих мемуарах.

В июне 1941 года, еще до начала войны, Ватутину было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Неудачные действия советских войск в начальный период войны повлекли кадровые перемены. К тому же, вероятно, можно согласиться с мнением Жукова и Василевского, которые считали, что Сталин до войны и в ее начале недооценивал деятельность Генерального штаба. Главное беспокойство вызывало положение дел на Центральном фронте. Укрепить его было необходимо. 29 июля 1941 года Жуков писал: “Поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего. Конкретно предлагаю Ватутина”. Но Сталин тогда рассуждал по-другому. Сам Жуков в не удержавший в должности начальника Генштаба, получив в командование ничего не решавший и не имевший людей Резервный фронт, оставив пост начальника Генштаба Б. М. Шапошникову. Ватутин вряд ли знал о предложении Жукова. Слишком горячие деньки переживали в те месяцы и генералы, и рядовые. Немцы рвались к Ленинграду. К десятым числам июля Ватутин возглавил штаб Северо-Западного фронта. Вскоре за Ватутиным прибыл и новый командующий фронтом генерал-майор Собенников, обладавший гораздо большим, чем Ватутин, командно-строевым стажем и сражавшийся в этих местах еще в Первую мировую войну. Задача фронту была понятной: вместе с Ленинградским фронтом остановить немцев, стремившихся с востока отрезать Ленинград от Москвы.

Именно в этих местах военная судьба впервые столкнула Ватутина с Э. Манштейном, старым прусским генералом, заместителем начальника генштаба германской армии, начавшим службу в генштабе чуть ли не за четверть века до того, как ее начал Ватутин. Впоследствии они будут действовать друг против друга на главных стратегических направлениях войны. В те дни Манштейн — “лучший представитель германского генерального штаба” и “лучший стратег восточного фронта” — гнал свои танковые дивизии на Ленинград. Танковые клинья принесли много успехов немцам во время Второй мировой войны. Испытывая недостаток и в вооружении и в людях, Ватутин успешно отражал атаки немцев. Начальник генштаба германских сухопутных войск Гальдер писал в то время в своем дневнике: “Снова наблюдается большая тревога по поводу группы армий “Север”, которая не имеет ударной группировки и все время допускает ошибки... На фронте группы армий “Север” не все в порядке по сравнению с другими участками Восточного фронта”. Так сами немцы оценивали свои “успехи” на участках фронта против Ватутина. Под Псковом советские войска атаковали ослабленные фланги танкового корпуса немцев. Организованный Ватутиным контрудар был настолько сильным, что 8-я танковая дивизия, 3-я моторизованная дивизия и части дивизии СС “Мертвая голова” были разбиты и отброшены на 40 километров. В тот раз Манштейн недолго стоял против Ватутина, немецкое командование перевело его на юг. Решительного стратегического успеха на Северо-Западном фронте противник добиться не сумел, ибо за время перегруппировки немцев подошли резервы Ставки, улучшилось взаимодействие войск фронта. Немцы захватили Псков и Новгород, но это было пределом их сил. Уже в начале мая 1942 года Северо-Западный фронт начал наступление против войск 16-й немецкой армии в районе Демьянска. Сражение, длившееся почти месяц, не принесло явного успеха, слишком мало в тот период у нас было войск и техники. Но даже при этих условиях противнику был нанесен большой урон.

...И вот Сталинград. В двух крупнейших битвах Второй мировой войны на Восточном фронте: под Сталинградом, и под Курском — рядом были два командующих фронтами — Рокоссовский и Ватутин. Но как же по-разному сложилась их судьба. Рокоссовский воевал до конца войны. Стал Маршалом, принимал Парад Победы, возглавлял Министерство обороны Польши, был заместителем министра обороны СССР. Кавалер многих орденов и медалей, автор мемуаров о войне. А о Ватуине забыли. Хотя, пока был жив, не уступал в ратном искусстве ни одному из командующих фронтов, включая и Рокоссовского.

После 3 июля 1942 г. был разделен Брянский фронт. Командующим новым Воронежским фронтом стал Ватутин, Брянским, вместо Ф. И. Голикова, Рокоссовский. В конце сентября произошли дальнейшие перемещения, Рокоссовский стал командовать Донским фронтом, Еременко — Сталинградским фронтом. Чуть позже Сталин согласился с единым мнением Жукова и Василевского, что командующим новым Юго-Западным фронтом должен стать Ватутин. Его фронту предстояло сыграть главную роль по окружению сталинградской группировки противника. Направления главных ударов были избраны таким образом, что приходились на сателлитов Германии, боеспособность которых, конечно же, была ниже, с последующим выходом на фланги и в тыл 6-й армии Паулюса. На первом этапе контрнаступления основную роль выполнял Юго-Западный фронт, а Донской должен был нанести два вспомогательных удара. Контрнаступательная операция Юго-Западного и Донского фронтов началась 19 ноября, а Сталинградского на сутки позже. Разница в сроках объяснялась тем, что перед Юго-Западным фронтом были более сложные задачи. Он находился на большем удалении от района предполагавшегося соединения советских войск, и ему предстояло форсировать Дон. Глубина прорыва для ударной группировки Юго-Западного фронта намечалась в 120 километров, а для Сталинградского фронта до 100 километров. Развить успех надо было за 3—4 дня, чтобы завершить окружение вражеских войск. Численный состав Юго-Западного и Сталинградского фронтов был примерно равным, у Донского фронта примерно на 100 тысяч человек меньше. Единственный фронт, где противник имел численный перевес в личном составе, был Юго-Западный фронт. Операция по окружении вражеских войск носила название “Малый Сатурн” и проходила с 19 ноября по 16 декабря 1942 года. Уже 19 ноября войска Юго-Западного фронта прорвали оборону и переправились через Дон. Части Юго-Западного и Сталинградского фронтов, первоначально разделенные расстоянием свыше 200 километров, неудержимо шли на

соединение. 23 ноября советские войска замкнули кольцо окружения в районе хутора Советское.

В окружении оказались 6-я и часть сил 4-й танковой армии в составе 22 дивизий численностью около 330 тысяч человек. Общая протяженность внешнего фронта составила более 450 километров, а прикрывалось войсками чуть больше половины. Однако сплошной линии обороны не было и у немцев. В ходе операции “Малый Сатурн” войска Юго-Западного фронта взяли в плен 60 тысяч солдат и офицеров, освободили около 1250 населенных пунктов. Войска Сталинградского фронта взяли в плен 16 тысяч человек и освободили 130 населенных пунктов. Но борьба за Сталинград не закончилась. Группа армий “Дон” под командованием Манштейна пыталась деблокировать окруженные немецкие войска. В ходе операции “Сатурн” стремительные действия Юго-Западного фронта привели к разгрому 8-й итальянской, остатков 3-й румынской армий, немецкой группы “Холлидт” и сорвали гитлеровские планы деблокировать армию Паулюса. Внешний фронт был отодвинут на 200—300 километров. Наступление в районе Среднего Дона войсками Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронта в период с 16 по 31 декабря привело к прорыву обороны немцев танковыми корпусами. В результате сражения в районе Среднего Дона противник лишился возможности оказать помощь окруженной под Сталинградом группировке с запада, а его наступление с юга было ослаблено. Этим было положено начало освобождению Украины. Были созданы благоприятные условия для уничтожения окруженной под Сталинградом группировки врага. Перед советскими войсками открывались возможности реализации плана стратегического наступления на всем южном крыле фронта.

В годы войны в донесениях перечисление фамилий звучало не по алфавиту, а по боевым заслугам. Академик А. М. Самсонов, один из наиболее авторитетных исследователей Великой Отечественной войны, писал так: “В наступательный период Сталинградской битвы боевые действия войск по окружению и разгрому сталинградской группировки противника проводились под руководством командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника Ватутина, командующего Сталинградским фронтом генерал-полковника Еременко, командующего Донским фронтом генерал-полковника Рокоссовского, командующего Воронежским фронтом генерал-лейтенанта Голикова, под общим руководством Ставки Верховного Главнокомандования и ее представителей генералов армии Жукова, Василевского и маршала артиллерии Воронова”. Стремительные действия Юго-Западного фронта 16 декабря заставили Манштейна израсходовать все силы, направленные на освобождение “котла”. Успешные удары Юго-Западного и Сталинградского фронтов решили судьбу окруженных войск Паулюса в районе Сталинграда. В январе 1943 года внешний фронт в районе Дона усилиями Юго-Западного и Сталинградского фронтов был отодвинут на 200—250 км на запад. Положение немецких войск, зажатых в кольцо, резко ухудшилось. Планы Манштейна по прорыву к окруженным частям Паулюса были сорваны. 23 декабря Манштейн отказался от своих планов по деблокированию окруженных войск. Ликвидацию “котла” Сталин передал Рокоссовскому, чем сильно обидел Еременко, командовавшего Сталинградским фронтом. Наши наступательные действия проходили вначале медленно и не решали поставленных перед фронтом задач. Впоследствии выяснилось, что причиной была неверная оценка численности противника. Предполагалось, что в окружение попало 85—90 тысяч, на самом деле оказалось более 300 тысяч солдат и офицеров. Именно Рокоссовскому после капитуляции передал свое личное оружие Паулюс...

За Сталинград Жуков был награжден вновь учрежденным орденом Суворова 1-й степени под номером один. Номер два получил Василевский, номер три командующий артиллерией Красной Армии Воронов, номер четыре вручили Ватутину, номер пять — Еременко, шесть — Рокоссовскому. Случайности номеров в порядке награждения, конечно же, не было.

Еще 7 декабря 1942 года Ватутину было присвоено воинское звание генерал-полковника, а 12 февраля 1943 года звание генерала армии.

Юго-Западный фронт, взаимодействуя с другими фронтами, с честью решил поставленные перед ним задачи по разгрому немцев и окружению противника под Сталинградом, сыграл важнейшую роль в сокрушении всех попыток Гитлера спасти свою окруженную группировку.

А имя молодого генерала Ватутина, впервые прозвучавшее на весь мир в

сообщении “В последний час”, покрытое славой Сталинграда, все чаще встречалось в газетах, повторялось в эфире.

После победы под Сталинградом Ватутин был назначен командующим Воронежским фронтом. Жуков писал в середине марта 1943 года: “А относительно Голикова скажите: его надо сменить немедленно и поставить на этот горячий фронт генерала наступления Ватутина”. Он так и сказал “генерала наступления”, имея в виду роль Ватутина в разгроме немцев под Сталинградом.

Курская битва — особый этап в жизни Ватутина. Много обвинений прозвучало в его адрес по поводу якобы неправильно построенной системы обороны. Уже в мае 1943 года Ватутин, не отрицая оборонительных боев, предлагал нанести упреждающий удар по белгородско-харьковской группировке немцев. Сталин долго колебался, так как Генштаб не разделял этого мнения. В итоге предложение Ватутина не прошло. Но и сегодня трудно сказать, было ли оно оправданным. Вполне возможно, что превентивные удары советской артиллерии сумели бы серьезно ослабить мощь германских войск. Последовавшая артиллерийская атака ночью 5 июля, по существу, своей цели не достигла: немцы лишь начинали подтягиваться к передовой.

Если под Сталинградом во главе советских войск стояли трое генералов: Ватутин, Рокоссовский и Еременко, то на Курской дуге двое командующих фронтов непосредственно отвечали за основные направления: Ватутин и Рокоссовский. Ватутин командовал Воронежским фронтом, Рокоссовский — Центральным. В качестве представителей Ставки — Жуков отвечал за Центральный фронт, Василевский — за Воронежский. Против Воронежского фронта действовал Манштейн, против Центрального фронта — Модель.

В своих воспоминаниях Рокоссовский упрекает Ватутина, что тот равномерно построил оборонительные сооружения по всему периметру фронта, а он, Рокоссовский, оборону строил гибко, исходя из данных разведки о наличии сил противника. Это, по мнению Рокоссовского, привело к тому, что Центральный фронт выдержал атаки немцев, а Воронежский на отдельных участках отступил до 30 километров. Вряд ли этот упрек основателен. На него отвечают документальные данные. Против Ватутина на Курской дуге немцы имели более сильную группировку. Воронежский фронт выдержал более сильный натиск противника, значительно больше были и его потери. На Курской дуге плотность орудий и минометов на один километр фронта была почти одинаковой на обоих фронтах. Воронежский фронт располагал меньшими возможностями обороны, но отразил более мощный удар. Манштейн имел на 800 танков и самоходных орудий больше, чем Модель. “К тому же Ставка и Генеральный штаб считали, что наиболее сильная группировка будет действовать против Центрального фронта. На самом деле более сильной оказалась группировка против Воронежского фронта”, — писал Жуков.

Манштейн ввел 5 июля в бой шесть танковых дивизий, а Модель только две. Напряжение тех боев было исключительно велико. В разгар боев у Ватутина снимают начальника штаба фронта. В ответ на необоснованную директиву Антонова Ватутин пишет ему: “...на протяжении всего периода с 5 июля 1943 года отдельные лица относятся к нашему фронту совершенно необъективно и льют грязь на любую положительную работу. Я убежден, что и ваша директива явилась в результате какого-либо совершенно необъективного документа”. Усиленный стратегическими резервами двух гвардейских танковых армий Воронежский фронт нанес мощный контрудар по танковой группировке противника. Знаменитое танковое сражение под Прохоровкой, в котором участвовали две тысячи танков, также проходило на участке Воронежского фронта. Итоги Курской битвы хорошо известны. Вымотав в оборонительных боях немецкие части, советские войска перешли в решительное наступление, наголову разгромив врага. Под Курском, как и ранее под Ленинградом, Ватутину противостоял наиболее способный немецкий военачальник.

В новых названиях фронтов после победы под Курском напрямую отразились наши успехи. Н. Ф. Ватутин, который задавал тон всем фронтовым соединениям, принял в командование 1-й Украинский фронт. Впереди были новые бои. Впереди был Киев. Ставка предвидела, что овладение Киевом решит участь вражеских войск на Правобережной Украине, в Крыму и на Кубани. И Ватутин блестяще справился со своей задачей. Утром 6 ноября, за день до годовщины Октября, автомашины с Жуковым, Ватутиным и членами Военного Совета фронта въехали в Киев. За Киев салютовали в Москве 24 залпами из 324 орудий. Такое количество орудий участвовало в салюте впервые. Потеря Киева явилась ударом для Гитлера.

Он предпринял активные усилия по возвращению города. В ожесточенных атаках немцы сумели снова захватить Житомир. Отход войск Ватутина из Житомира вывел из себя Сталина. Он приказал Рокоссовскому выехать под Киев и разобраться в случившемся. В случае необходимости, Рокоссовскому поручалось взять командование 1-м Украинским фронтом. То была деликатная ситуация. Рокоссовский дал советы Ватутину, тем дело и закончилось. Внешне это ставит Ватутина ниже Рокоссовского. Но надо учитывать, что об этом эпизоде мы знаем лишь со слов самого Рокоссовского. Житомир у немцев снова отбили, а острие Красной Армии — 1-й Украинский фронт дальше всех продвинулся на запад. Общая цель зимней кампании 1944 года — развернуть генеральное наступление от Ленинграда до Крыма. Главный удар нанести войсками 1-го, 2-го, 3-го, 4-го Украинских фронтов. Ставка передала Ватутину главные танковые силы страны, что свидетельствовало о том, на каком стратегически важном направлении действовал 1-й Украинский фронт. Житомирско-Бердичевская операция — выдающаяся во всех отношениях. 1-й Украинский фронт глубоко рассек немецкую оборону на 275 км. Затем 1-й Украинский фронт повернул на восток, а 2-й Украинский фронт на запад, и с 24 по 28 января в клещах оказалось более 10 вражеских дивизий. Декабрьское наступление от Полоцка и почти до Винницы принесло крупный оперативный успех. Вот как описывает этот период немец К. Типпельскирх в книге «История второй мировой войны»: «В рождественские дни 43 года первым перешел в наступление западнее Киева против четвертой танковой армии Первый Украинский фронт под командованием Ватутина... Прорыв был таким удачным, что после этих успехов русских был вбит клин между группами армий «Юг» и «Центр» глубиной почти 300 км и примерно такой же ширины. После этого Первый Украинский фронт приостановил здесь свое продвижение».

В феврале 1944 года 1-й Украинский фронт провел блестящую операцию по окружению Корсунь-Шевченковской группировки немецких войск, в которую входило 10 дивизий и одна бригада. Но после того как противник оказался в «котле», Ставка распорядилась передать его уничтожение 2-му Украинскому фронту генерала Конева. 18 февраля Москва салютовала войскам 2-го Украинского фронта, взявшим в плен около 20 тысяч немцев, а о войсках 1-го Украинского фронта не было сказано ни одного слова. Ватутин посчитал, что инициатором такого положения дел был Жуков и в самой решительной форме высказал ему свои претензии. Конфликт сглаживал Василевский. Позднее Жуков указывал, что Конев сам предложил Сталину передать ему задачи по уничтожению Корсунь-Шевченковской группировки, а его возражения, что главную роль в окружении сыграли войска Ватутина, которые и «лучше действовали», во внимание приняты не были. И получилось так, что вся слава, связанная с этой выдающейся операцией, вместо Ватутина досталась Коневу. В очерке «Коротко о Сталине» Жуков писал: «Начиная с Курской дуги, когда враг уже не мог противостоять ударам наших войск, Конев, как никто из командующих, усердно лебезил перед Сталиным...»

Можно еще добавить, что 23 февраля 1944 года, после завершения Корсунь-Шевченковской операции, Конев получил звание Маршала Советского Союза. При Хрущеве, когда Жуков оказался в опале, Конев открыто набросился на Жукова. Вероятно, он хорошо помнил, что в начале 20-х годов они были равны, оба командиры кавалерийских полков. Отсюда, наверное, тщеславное желание умалить заслуги Жукова.

Разработка Проскуровско-Черновицкой операции была последней для Ватутина, осуществлять ее пришлось Жукову. Именно Жуков, после смертельного ранения Ватутина, принял командование 1-м Украинским фронтом, что лишний раз свидетельствовало о важности направления, ибо командование второстепенным фронтом было уже не для него. Это нашло подтверждение и в 1945 году при взятии Берлина, когда ставка сместила Рокоссовского, заменив его Жуковым, что навсегда расстроило их взаимоотношения.

Таковы были боевые свершения генерала Ватутина. И хочется понять, почему так искажен облик Ватутина? Заслуги его огромны, но о них молчат. Кому перешел дорогу убитый генерал, что за пять послевоенных десятилетий о нем фактически забыли? Напрашивается один вывод: его военные успехи и таланты были столь значительны, что окружение постаралось забыть о нем и вспоминает лишь в тех случаях, когда уж нельзя не вспомнить. С. М. Штеменко, с апреля 1943 г. начальник Оперативного управления Генерального штаба, в своих воспоминаниях в одном месте пишет так: «Рокоссовский и Ватутин — выдающиеся советские полководцы», а в другом характеризует Ватутина следующим образом: «...считали его одаренным

в военном отношении, своеобразным оператором-романтиком". Обидно за Ватутина. Ничего себе "оператор-романтик". И это писалось о командующем фронтами, разбившем ударные вражеские силы под Сталинградом и Курском.

Непризнание Ватутина я склонен объяснять ревностью, возможно и бессознательной, к силе и мощи таланта военачальника, его успехам на поле брани.

Нет сомнений в том, что потенциал Ватутина остался не раскрытым полностью. Никто не может сказать, на какую высоту воинских доблестей мог подняться Ватутин. И если Рокоссовский заявил перед немцами: "Я, маршал Рокоссовский, наголову разгромивший ваши войска под Сталинградом и Курском...", то точно такие же слова мог произнести, будь он жив, и Ватутин. Судьба распорядилась по-своему. Обстрелян в собственном тылу бендеровцами. Ранение в пах казалось не очень опасным, вроде бы дело шло на поправку, но в рану попала шерсть от полушубка. Не сумел спасти генерала и лучший хирург Бурденко.

15 апреля 1944 года газеты Советского Союза опубликовали сообщение: "Совет Народных Комиссаров СССР, Народный комитет обороны СССР и Центральный Комитет ВКП(б) с глубоким прискорбием сообщают о смерти генерала армии Ватутина Н. Ф. ...В лице тов. Ватутина Государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны. Похороны генерала армии Ватутина Николая Федоровича состоятся в г. Киеве. Память генерала армии Ватутина Николая Федоровича увековечивается сооружением ему памятника в г. Киеве".

Мать генерала — Вера Ефимовна Ватутин — в феврале 1944 года получила известие о смерти от боевых ран ее сына, красноармейца Афанасия Ватутина. В марте на фронте погиб ее младший сын — Федор. В апреле она пришла к гробу третьего сына, являвшегося гордостью семьи и страны, — генерала армии Николая Ватутина.

Он сумел вынести на плечах своих и в сердце боль за отступления 1941 года, переломить ход войны под Сталинградом и на Курской дуге, умер, зная, что победа близка... Ватутин не гарцевал на белом коне, на его плечах не сверкали маршальские звезды, пионеры не отдавали ему салютов. Судьба генерала Ватутина слилась с судьбами многих тысяч солдат и офицеров, не вернувшихся с войны.

В Киеве, матери городов русских, есть парк имени Н. Ф. Ватутина, на берегу Днепра стоит его памятник.